

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

д.э.н., директор Института проблем глобализации

ГОСУДАРСТВО, НАРОД И БИЗНЕС

Задача государства – балансирование интересов

Развитие общества определяется взаимодействием государства, бизнеса и населения, причем не только образы действия, но и краткосрочные интересы двух последних существенно различаются.

Бизнес стремится к эффективности – к концентрации благ у наиболее успешных субъектов экономики и политики. Это стремление оформляется идеологией свободной конкуренции и погони за эффективностью – либерализмом.

Население столь же органически стремится к справедливости – к более равномерному распределению благ. Его естественная идеология – социализм.

В области социально-экономических отношений никаких других идеологий в принципе нет: им просто неоткуда взяться так же, как на Земле неоткуда взяться Восточному или Западному полюсам.

Полюсов в общественном развитии есть только два: эффективность и справедливость. И, поскольку слишком последовательная реализация каждого из них доводит их до абсурда и порождает катастрофу, важнейшая функция государства заключается в гармонизации этих текущих интересов ради достижения долгосрочного успеха всего общества.

Решение обществом разных задач на разных этапах его развития требует разных пропорций между эффективностью и справедливостью, либерализмом и социализмом. Соответственно этому сменяются и стоящие у власти политические силы.

Как и все фундаментальные закономерности, общий принцип гармонизации интересов бизнеса и населения прост, хотя и выработан развитыми странами в жестоких социально-управленческих муках.

Во внешнем мире государство должно реализовывать интересы национального бизнеса как наиболее активного, творческого и агрессивного элемента общества, поддерживая и частично направляя его экспансию, рассматривая ее как ключевой инструмент развития национальной экономики и повышения благосостояния.

Внутри же своей страны, где нет основания для развертывания агрессивных, в том числе коммерческих, оно должно поддерживать население с его стремлением к справедливости и более равномерному распределению ресурсов, так как расколотое общество не может быть конкурентоспособным.

Классический пример ориентации на интересы бизнеса во внешней политике и населения во внутренней – стихийно сложившееся отношение государств к форме собственности на нефтяные компании.

При добыче на своей территории, когда основной задачей является справедливое распределение природных благ, добывающие компании, как правило, находятся в государственной собственности.

Добыча же на чужой территории требует экспансии – а значит, частных компаний. Здесь значимо и то, что частные иностранные компании допускают к освоению месторождений на своей территории легче государственных иностранных, так как в последнем случае угроза утраты суверенитета более очевидна.

Издержки этой модели для бизнеса окупаются эффективностью государства, способного обеспечить как выполнение “правил игры” внутри страны, так и внешнюю экспансию бизнеса, за счет чего он получит гарантированно больше, чем потеряет от внутренних ограничений. Пример подобного самоограничения крупного бизнеса на внутренней арене – его согласие на антимонопольное регулирование.

Поощрение государством внешней экспансии бизнеса в обмен на его согласие с приоритетностью интересов населения внутри страны – единственный способ гармонизации интересов бизнеса и населения, достижения общности интересов, спланируемых обществом.

К сожалению, подобное гармоничное развитие доступно лишь ограниченному числу стран. Ведь внешнюю экспансию, являющуюся условием внутренней гармонии общества, не могут вести разом все страны мира. Кто-то будет ее победоносным субъектом, а кто-то – неминуемо – не более чем объектом.

При этом страна, являющаяся объектом внешней экспансии (классическим примером этого остается и современная Россия), не только лишена возможности гармонизации интересов собственных бизнеса и населения, но и сталкивается с проблемами, порождаемыми воздействием извне.

Доступный для нее способ гармонизации интересов населения и бизнеса – объединение их усилий в противостоянии разрушительной внешней экспансии ради сохранения в стране большей доли производимых ресурсов и направления их на нужды собственного развития в ходе своего рода **“национально-освободительной” войны в экономике.**

Необходимость победы в этой “войне” не отменяет необходимости организации внешней экспансии национального бизнеса, которая остается самостоятельной задачей.

Для чего существует государство?

Государство – инструмент, созданный обществом для решения стоящих перед ним задач, которые оно не может решить само. Именно поэтому общество терпит государство с его неизбежно меньшей (по сравнению с бизнесом) эффективностью: необходимое лучше сделать плохо, чем не сделать вообще.

Неотъемлемые функции государства для обществ любого, сколь угодно высокого уровня развития:

установление норм и правил и обеспечение их соблюдения (поэтому как вид бизнеса возможна частная тюрьма, но не частный суд);

обеспечение безопасности общества в широком смысле – это отнюдь не только обороноспособность, но и поддержание устойчивости природной, технологической и социальной среды;

стратегическое планирование и реализация долгосрочных программ развития (именно поэтому говорят, что государство – мозг и руки общества);

критически значимая часть социальной помощи.

Помимо этих функций, в зависимости от уровня развития общества государство оказывает ему услуги, которые оно постепенно должно научиться оказывать себе само. Важнейшая из них – реализация долгосрочных и капиталоемких проектов, непосильных или непривлекательных для бизнеса (как правило, из-за значительности необходимых инвестиций и длительности или вообще неопределенности их окупаемости), в первую очередь в области развития инфраструктуры, особенно общенациональной, и создания новых технологий, включая фундаментальную науку.

Существенно, что наиболее эффективным способом создания новых технологий до сих пор являются, как это ни прискорбно, военные расходы: только первичный для живого существа страх смерти может побудить рыночные общества к столь вопиюще нерыночным действиям, как финансирование исследовательских программ с заведомо неопределенным результатом.

В 90-е годы ослабление международной напряженности привело к тому, что страх смерти стал эксплуатироваться для создания новых технологий в смягченной форме – через финансирование исследований в области здравоохранения. Насколько можно судить, они обладали качественно меньшей эффективностью, чем традиционные военные – вероятно, именно из-за смягченного характера страха смерти. И в конце 90-х годов военные расходы из-за возрастания международной напряженности вновь стали расти*.

Сфера влияния государства сужается по мере развития общества: последнее справляется со все большим числом функций.

Но для России более актуален противоположный аспект: чем слабее общество, тем шире поле деятельности государства. Последнее постоянно испытывает соблазн ослабить общество ради сохранения или даже расширения своего влияния. Успешная реализация этого соблазна подрывает эффективность общества и чревата его поражением во внешней конкуренции.

Общественно-политическая функция бизнеса заключается в том, чтобы не дать государству остановить развитие общества и окостенеть. Решение этой задачи включает в себя последовательное изъятие из ведения государства ряда функций, с которыми общество (хотя бы в части его бизнеса) уже может справиться само.

Великое противостояние

Вне критических общественно-политических ситуаций бизнес несравнимо активнее, сознательнее и организованнее населения. Поэтому для государства так важно выстраивать отношения именно с ним.

Однако их нельзя понять без учета третьей и главной вершины “общественного треугольника” – населения, этого великого и, при нормальной ситуации, безмолвствующего субъекта политической жизни. *Население становится народом, лишь когда неэффективность государства вынуждает его выходить на политическую сцену и возвращать себе ряд функций управления, ранее “по умолчанию” делегированных государству.*

Если власть перестает ощущать свою ответственность перед населением, она неминуемо теряет эффективность, и народу приходится поправлять ее, демонстрируя недовольство доступными ему методами – от высмеивания руководителей страны и неявки на выборы до массовых беспорядков и революции.

Утрачивая ответственность перед населением, государство теряет единственное оправдание своего существования, лишая себя и единственно возможной и необходимой ему точки опоры в отношениях с бизнесом. В результате оно либо подчиняется бизнесу, либо само подчиняет его себе.

Подчинение государства бизнесу, помимо дичайшего расцвета коррупции, превращает его в инструмент реализации коммерческих интересов, как это было в 90-е годы в России (и сохраняется сегодня в социально-экономической политике). В силу несовпадения интересов бизнеса и общества это лишает государство возможности выполнять свои функции и делает его существование неоправданным для оплачивающего его общества.

Подчинение же бизнеса государству душит творческий потенциал всего общества, разрушая его конкурентоспособность.

Лишь если государство опирается на население, оно может говорить с бизнесом с единственной конструктивной “позиции силы” – от имени всего остального общества, выполняя свою функцию стратегического планирования и определения норм и правил, необходимых для достижения определенных им целей.

После этого главной проблемой становится механизм определения национальных интересов. Наглядный пример – США, достигшие глобального лидерства за счет симбиоза государства и транснациональных корпораций. Как правило, они преследуют единые общенациональные цели. При решении коммерческих задач государство выступает в роли “младшего партнера”, а в остальных случаях в роли ведомого выступает бизнес.

Симбиоз корпораций и государства реализуется в постоянном персональном взаимодействии, в котором прославленные американские лоббисты играют весьма ограниченную роль.

* Подробней об этом см. М. Г. Делягин “Мировой кризис. Общая теория глобализации”. М., “Инфра-М”, 2003.

Ключ к американской системе – постоянная ротация высших управленцев между государством и бизнесом, при которой управленец может несколько раз с поста госслужащего (например, министра) уходить на пост топ-менеджера (например, вице-президента) крупной корпорации и наоборот. Эта система не просто обеспечивает единство интересов и взаимопонимание бизнеса и государства (что, конечно, усиливает требования к ограничению коррупции), но и погружает их в единое кадровое пространство. В результате **корпорации и государство участвуют в глобальной конкуренции не как обособленные союзники, но как единый организм.**

Однако главный механизм объединения государства и крупного бизнеса США – американское аналитическое сообщество. Оно выросло из антикризисных подразделений корпораций, вынужденных преодолевать кризисы на уровне сначала предприятий, затем отраслей, а с Великой Депрессии 1929–32 годов – и на общенациональном уровне.

Именно аналитическое сообщество соединяет корпорации и государство в единое целое.

Американский путь отличается от характерной для неразвитых стран “олигархии” тем, что сращивание государства и корпораций идет на уровне не только лоббистов, но в наиболее важной части – на уровне стратегических аналитиков, на базе не узкокорыстных интересов корпораций, а на основе инструмента совместной выработки и осознания стратегических интересов.

Вместо того, чтобы сначала порознь выработать различные системы корпоративных и государственных интересов, а затем мучительно приспособлять их друг к другу при помощи громоздкой политической машины, США при помощи аналитического сообщества изначально вырабатывают национальные интересы как единое целое, объединяющее интересы бизнеса и государства. Это смягчает противоречия и повышает осознанность развития, а с ним – и конкурентоспособность общества.

Перенос этого механизма на отечественную почву – условие конкурентоспособности нашей страны и вместе с тем важнейший инструмент ее модернизации.

Государственные корни российского крупного бизнеса

Отношения государства и бизнеса в России далеки не только от американского идеала, но и от менее успешных моделей.

Несколько слов о предыстории. Как только после смерти Сталина советских чиновников перестали расстреливать, они сложились в замкнутый социальный слой, – партхозноменклатуру. Попытка Хрущева вновь подчинить ее политическому руководству потерпела крах, и при Брежневе этот слой завершил эволюцию, осознав свои интересы: желание присваивать блага, которые он перераспределял.

Для его представителей производство и созидание в целом не были первоочередной целью и ценностью. Несмотря на глубокие производственные и организационные знания, они воспринимали процессы производства и его развития как нечто само собой разумеющееся, как некий природный процесс, происходящий помимо стратегического управления. Их политическая воля была направлена не на новую модернизацию страны, которая при Брежневе уже вполне созрела, но на личное потребление.

Эта воля была актуализирована крахом политики “ускорения социально-экономического развития”^{*} и ряда локальных попыток найти новые резервы, факторы и механизмы, поддерживающие развитие системы.

Необратимый шаг к катастрофе был сделан в 1987 году, с одновременным появлением кооперативов, развитием биржевого дела и отменой монополии внешней торговли. В результате с системой централизованного распределения внутри страны начала жестко и повсеместно конкурировать заведомо более эффективная не рыночная, но коррупционная система, перепродающая по свободным ценам продукцию, полученную по ценам фиксированным.

Кооперативы позволяли перекачивать на рынок со свободными ценами

^{*} Эта политика предусматривала, как это было по инерции объявлено на последнем съезде КПСС, не только обеспечение каждой советской семьи отдельной квартирой к 2000 году, но и двукратное увеличение к тому времени национального дохода – “удвоение ВВП” на современном политическом языке.

материальные ресурсы, централизованно выделяемые по низким государственным ценам. “Товарно-сырьевые” биржи обеспечивали формирование из этих ресурсов крупных товарных партий, а отмена монополии внешней торговли обеспечивала частный сбыт за рубежом с присвоением колоссальной разницы между внутренними и мировыми ценами.

Без отмены монополии внешней торговли эта система не развернулась бы из-за ограниченности спроса внутри страны. Ее отмена создала “черную дыру” в лице мирового рынка, всасывающего в себя все ресурсы и разрушающего приблизительную сбалансированность хозяйства. Вместо производительной по своей сути экономики возникла “экономика трубы”, направленная не на производство, а на вывоз ресурсов, причем, чем ниже была степень их обработки, тем выше была эффективность вывоза. *(Причина не только в сравнительной неэффективности советской экономики, но и в несовместимости советских и западных технологий, что позволяло последним потреблять лишь советское сырье, но не полуфабрикаты).*

Разбалансировка любой системы бьет по ее слабым местам, в СССР – по потребительскому сектору. Ему не хватало необходимых ресурсов, так как государство продолжало концентрировать их в ВПК.

В обществе стала стремительно расти социальная напряженность, которая многократно усугублялась из-за проблем и социально-психологических комплексов, связанных с уходом СССР из Восточной Европы и внутренним разложением.

Распространение материального стимулирования при сохранении системы централизованного распределения натуральных ресурсов как основы политической власти привело к переизбытку наличности и разрушению потребительского рынка.

Государство не сопротивлялось деструктивным тенденциям, так как обогащения жаждало большинство образующих его элементов. В итоге советская экономика рухнула, разорвав страну и похоронив под своими обломками обрушивший ее своей неконтролируемой жадностью класс присваивающих чиновников – партхозноменклатуры.

Возник вакуум власти. Наиболее массовыми и прибыльными видами бизнеса стали торговля и валютные операции. Социальная структура общества была размолота в пыль. Люди, которые в этих условиях держались “на гребне волны” и, зарабатывая деньги, успевали думать о будущем и имели возможность влиять на него, понимали: получение денег – это не результат, а процесс, и, в отличие от партхозноменклатуры, хотели их зарабатывать.

Для этого надо было владеть заводами, – в то время, несмотря на общую разруху, в целом еще функционировавшими.

Это желание было наиболее осозанным у директоров, которые и так управляли ими, однако так или иначе этого хотели все, заработавшие легкие деньги и понимавшие, что возможности мгновенного обогащения будут исчерпаны, – от комсомольских активистов, использовавших административно-политический ресурс ВЛКСМ для развития кооперативов, до удачливых фарцовщиков и бывших цеховиков.

Политики-“демократы”, взгромоздившиеся, как обезьяны на мачту, на вершину дрожащей и раскачивавшейся административно-управленческой пирамиды, отчаянно нуждались в поддержке бизнеса и бросились ему навстречу.

Главная цель ваучерной приватизации, как это было с торжеством признано потом, заключалась в передаче директорам (на следующем историческом витке заклеянных “красными”, но тогда еще являвшихся политическими союзниками прорвавшихся к власти демократов) в собственность управляемых ими заводов.

Ваучерная приватизация сыграла исключительную политическую роль. Начав формирование фондового рынка и слоя фондовых спекулянтов, создав возможность при помощи скупки акций устанавливать контроль за активами, она положила начало формированию широкой и щедрой социальной базы либеральных реформаторов.

Оказавшиеся к концу 1991 года у власти “демократы” пошли навстречу бизнесу не только в приватизации, но и во всех вопросах социально-экономической политики. Они были слабы, госаппарат частью разрушен, а частью враждебен, и они нуждались в любой поддержке – особенно со стороны тех,

кто мог дать деньги, нужные как для политической деятельности, так и для личного обогащения.

В результате любые сложные меры по развитию страны и поддержанию уровня жизни были непосильны реформаторам и, сдерживая спекуляции, грозили посорить их с их единственной социальной опорой. Да и сама направленность мер по развитию перекликалась с практикой только что уничтоженной Советской власти и потому была для реформаторов идеологически неприемлемой.

Это обусловило проведение идеологизированной, жестокой и неадекватной социально-экономической политики, вызвавшей разрушительный политический кризис. Именно он в итоге и покончил с демократией в России как системой, при которой государство стремится учитывать настроения и интересы населения, а последнее способно принудить его к этому.

Сегодняшняя российская государственность сложилась в ходе расстрела Белого дома в октябре 1993 года, когда силовые структуры подчинились президенту, повязав себя кровью.

В силу изложенного **российское государство сложилось без народа и помимо народа** – и осталось с бизнесом один на один, что объективно обрекло его не только на неэффективность, но и на контрпродуктивность.

Раздача льгот, начавшаяся еще в 1991 году (когда российские власти переманивали в свою юрисдикцию заводы установлением налогов ниже общесоюзных, разрушая тем самым финансовую базу противостоящих им союзных властей, а заодно и всего СССР), достигла максимума в 1993–1995 годах: государство пыталось превратить бизнес в устойчивую политическую опору.

Но уже перед парламентскими выборами 1995 года стало ясно, что поддержка спекулянтов и бандитов не просто дорога, но и ненадежна.

Реформаторам надо было создать крупный бизнес (которого тогда почти не было), обладающий политической, финансовой и организационной мощью, достаточной для противодействия народу, и привязать этот бизнес к себе, что требовало постоянства его финансовых потоков, их подконтрольности и относительной защищенности.

Решение этой задачи было предложено самими бизнесменами и заключалось в проведении залоговых аукционов, **даром** предоставлявших бизнесу в собственность крупнейшие и наиболее прибыльные госпредприятия, обеспечивавшие ему огромные прибыли и играющие большую социальную роль.

Так как сроки возврата залога государством истекали после президентских выборов, при смене власти собственность могла быть изъята у новых хозяев почти без затрат. Откровенно грабительский характер залоговых аукционов и массовое нарушение условий их проведения, делавшее сделку нелегитимной, обеспечивали лояльность новых собственников реформаторам.

Выбор самих этих собственников также был просчитан: крупнейшие банкиры обладали наибольшими финансовыми ресурсами и доказали свою минимальную управленческую эффективность.

Расчеты государства оправдались: крупные банкиры, победившие в залоговых аукционах, стали верной политической опорой реформаторов и выиграли выборы 1996 года – за это государству пришлось расплатиться с ними еще раз. После выборов главным бизнесом стало разворовывание бюджета с использованием госбумаг, взаимозачетов и кредитования расходов бюджета.

Результат этой вакханалии был закономерен – разрушительный дефолт и девальвация, не только финансовый, но и идеологический кризис. Перед страной второй раз за 90-е годы встал призрак хозяйственного коллапса.

Напуганное коррумпированное руководство передало оперативное управление группе старых советских управленцев, наспех разбавленное относительно молодыми бизнесменами, – правительству Примакова. Ответственность этого правительства и осознание угрозы катастрофы позволили ему достичь успеха.

Отменив наиболее разрушительные реформаторские меры, направленные на благополучие крупного бизнеса за счет остальной экономики, заморозив тарифы естественных монополий (простой просьбой об обеспечении их финансовой прозрачности), правительство Примакова–Маслюкова быстро стабилизировало ситуацию и начало восстановление экономики.

В конце апреля 1999 года оно победоносно завершило переговоры с МВФ, вырвав у того исключительно значимое тогда разрешение на широко-масштабное государственное стимулирование инвестиций, позволявшее начать модернизацию.

Но тем самым оно подписало себе приговор, ибо до того одна из важнейших функций президента заключалась в защите правительства либо от народа, либо от Запада. Получив поддержку и России, и МВФ, Примаков помимо своей воли сделал президента Ельцина стратегически ненужным и потому был сразу же отправлен в отставку.

Но дело было сделано: по преодолении негативных последствий девальвации “заработали” ее позитивные последствия – рост экспорта и импортозамещение. На этой волне поднялся новый бизнес, уже не спекулятивный, но производственный, даже если во главе этого бизнеса стояли прежние олигархи.

Опираясь на восстановление экономики, государство вышло из-под полного подчинения крупному бизнесу, не попав при этом под контроль региональных элит. Главным инструментом этого освобождения стала прямая апелляция к народу в ходе второй чеченской войны, впервые за более чем десятилетие пробудившая массовые патриотизм и гордость за свою страну.

В результате коммерческие олигархи эпохи Ельцина наконец перестали определять государственную политику в целом (а кто не смирился с этим, был демонстративно лишен бизнеса и изгнан из страны), сохранив контроль за ней лишь в форме участия в определении экономической “повестки дня”.

Силовая олигархия: новый правящий класс

Рассмотрим теперь те же самые общественные процессы с точки зрения иной общественной группы, вызревшей в обществе на положении обслуги коммерческой олигархии и сумевшей подмять ее под себя.

Ведь силовая олигархия эпохи Путина, сменившая коммерческую олигархию времен Ельцина, – “бригада”, пришедшая на смену “семье” и частью поглотившая, а частью вытеснившая ее из власти, – вызрела в недрах ельцинской системы.

Отрицая практику 90-х годов по форме и на уровне пропаганды, и силовые олигархи, и сам путинский режим явились вполне гармоничным продолжением ельцинизма – его реинкарнацией в новых, более благоприятных условиях.

Генезис силовой олигархии прост.

В 90-е годы бизнесмены нуждались в силовом обеспечении своих операций – от личной защиты до нападений на конкурентов. Наиболее значимые капиталы создавались без применения силы, за счет захвата госсобственности или перераспределения финансовых потоков государства, но чудовищная преступность и отсутствие действующих законов создавали потребность в собственных силовых подразделениях.

Бизнесмены соревновались друг с другом в переманивании отставников и действующих сотрудников силовых структур, но со временем стало ясно: основная ценность их представителей заключается в самой их принадлежности к указанным структурам. Переход в коммерческие организации резко сокращал их возможности, так как они теряли способность использования государственных полномочий, в первую очередь – монополии на насилие (в том числе произвольное).

Поэтому бизнес усилил работу с теми, кто не ушел со службы. Первой задачей, решенной ими в масштабах страны, стала “зачистка” “дикой” оргпреступности, не связанной с группировками коммерческой олигархии и представлявшей для нее опасность.

Одержавшие эту победу сотрудники силовых структур, воодушевленные и повысившие свой материальный уровень и служебный статус, начали осознавать и реализовывать свои собственные групповые интересы, отличные от интересов коммерческой олигархии.

Это породило “поход чекистов к собственности” – установление контроля над предприятиями, тогда еще в основном среднего бизнеса, в интересах самих сотрудников спецслужб, а не в интересах бизнесменов. Это изменение носит качественный характер, так как группировки, сложившиеся в рамках силовых структур, именно на этом этапе начали создавать себе свою собственную финансово-экономическую базу, не зависящую от превратностей судьбы и чужой милости. Они сделали ключевой шаг не к коммерческой, но к политической самостоятельности.

По данным исследований, проведенных специально для определения даты этого шага, в массовом порядке он был сделан в середине 1998 года.

Поразительное совпадение с моментом назначения будущего президента Путина директором ФСБ (июль 1998 года) нельзя трактовать вульгарно. Такой подход представляется неверным не только в силу своего циничного упрощенчества, но и потому, что он не соответствует фактам. Так, контроль за бизнесом в своих интересах примерно в середине 1998 года начали, как можно понять, устанавливая представители далеко не только ФСБ, но и других силовых структур, которыми будущий президент даже и не пытался руководить. То, что в этих структурах при резком и наглядном изменении характера их деятельности не происходило смены руководства, подчеркивает глубинный, естественный характер описываемой трансформации.

Приход Путина в ФСБ сопровождался, как можно судить, ее жесткой перетряской. Дефолт отвлек внимание общества от этого, однако ясно: усилия нового директора были направлены на реструктуризацию службы. Вопросы же взаимодействия тех или иных внутренних группировок с бизнесом если и рассматривались им, то оставались в лучшем случае на периферии его сознания.

Таким образом, Путин вряд ли был дирижером пробуждения “силового самосознания” и перехода силовиков с позиций obsługi коммерческой олигархии на позиции субъекта политики, обладающего собственными не только административными, но и финансовыми ресурсами. Как это видится сейчас, Путин в силу момента назначения и особенностей личности стал, по-видимому, не только наиболее высокопоставленным, но и наиболее адаптивным и быстро развивающимся выразителем этой тенденции.

Не он ее создал, но, вероятно, он ее “оседлал” и возглавил.

Это произошло вовремя: дефолт кардинально изменил характер формирования крупных капиталов.

С одной стороны, воровать у государства в привычных масштабах было уже нечего, с другой — девальвация и ряд шагов правительства Примакова–Маслюкова создали условия для восстановления производств. Впервые за все время реформ вновь стало выгодно производить.

Главным способом зарабатывания больших денег стало уже не ограбление государства и функционирующих предприятий, но установление контроля за перспективными предприятиями с расширением их производства. Крупный бизнес рванулся в регионы.

Понятно, что о законности действий в условиях схватки всех со всеми за привлекательные активы думали мало, но юридическое оформление приобретенных было, в отличие от прошлого этапа, важной задачей. Ведь производство, в отличие от спекуляций, долгосрочно и потому требует хотя бы формальной юридической защищенности. Поэтому роль государства на новом, производительном этапе существенно повысилась: захват собственности должен был быть признан и одобрен им.

Новая форма ведения бизнеса повысила роль силовых структур. “Войны за собственность” шли прежде всего с использованием государственных инструментов, включая возбуждение уголовных дел. Это превращало силовые структуры в ключевого участника процесса, без которого он просто не мог идти.

Представители сформировавшихся в их рамках групп, осознавших свои корпоративные и групповые интересы, стали задумываться о конвертации возросших возможностей во власть, остающейся основным источником и единственной гарантией собственности.

Путин был выдвинут в президенты не представителями этих групп: они были еще слабы и раздроблены. Но он вновь стал выразителем этого процесса и, нуждаясь в социальной и административной базе для освобождения от контроля коммерческой олигархии, возглавил и катализировал формирование силовой олигархии и рост ее группового самосознания.

В итоге, сконцентрировав политическую власть, **силовые олигархи** быстро взяли под контроль **коммерческую** олигархию эпохи Ельцина. Зафиксировало “новый порядок” дело “ЮКОСа”, показавшее, что неподчинение аппетитам силовой олигархии (не говоря уже о попытках ограничить ее коррумпированность и участвовать в политике без ее санкции) будет караться беспощадно.

После углубления контроля силовой олигархии за ключевой частью экономики начался и практически постоянно идет новый передел, связанный с борьбой внутри нее самой. Ведь коррупционные аппетиты могут только расти, а возможности субъектов экономики удовлетворять их ограничены, а то и сокращаются (из-за деградации хозяйства, подавляемого коррупционным давлением).

Перед рассмотрением отличий силовых и коммерческих олигархов надо зафиксировать их общность: и те и другие являются бизнесменами, использующими контроль за государством для получения критически значимой части прибыли.

Коммерческие олигархи контролировали госаппарат “снаружи”, ориентируясь на гражданские ведомства (управлявшие наиболее значимыми для этих олигархов ресурсами государства – имуществом и деньгами). Силовые же олигархи контролируют государство в основном “изнутри”, занимая те или иные государственные посты. Они нацелены не на гражданские, а на силовые ведомства, распоряжающиеся наиболее важным для этого сорта олигархов ресурсом – правом применения насилия от имени государства.

При этом силовые олигархи остаются олигархами, то есть действуют в интересах не общественного блага, пусть даже понимаемого превратно, но собственного, как материального, так и символического потребления.

Для них характерен высокий уровень насилия в сочетании с низким порогом его мотивации. Страх, порождаемый силовой олигархией в силу ее образа действия, разрушает общество, экономику и саму государственность не меньше, чем махинации олигархии коммерческой.

Неизбежность системного кризиса

При всей мерзости отечественных коммерческих олигархов беда России не в бизнесе, а в разложившемся государстве. Ведь предпринимателя делает олигархом именно слабое и не ответственное перед народом государство, которое навязчиво продается этому предпринимателю и тем самым развращает его.

Демократия как инструмент принуждения государства к ответственности перед обществом в России искоренена. В принципе это было бы поправимо, если бы правящая элита сознавала свою ответственность перед обществом. Трагедия России в том, что ее элита сформировалась в ходе осознанного разворовывания и разрушения собственной страны. Поэтому ответственность перед обществом просто в силу истории этого социального слоя недоступна ему.

Только политическая модернизация и оздоровление российской элиты может открыть дорогу модернизации России.

Такое оздоровление может быть вызвано только глубоким, системным экономическим кризисом. Строго говоря, он неизбежен. Даже без удешевления нефти, в силу обострения структурных проблем и износа инфраструктуры кризис, сопровождаемый девальвацией, разразится все равно.

Время до него дано нам для обучения и организации. Мы должны извлечь урок из сопоставления диссидентов СССР и Восточной Европы. Те четверть века, что советские диссиденты провели на кухнях, ругая коммунистов, их восточноевропейские собратья на точно таких же кухнях выясняли, что они будут делать, когда власть перейдет в их руки.

В результате крах социализма застал советских диссидентов врасплох до такой степени, что они даже не смогли взять власть, суетливо уступив ее разнокалиберной толпе реформаторских жуликов, – а восточноевропейские смогли проводить относительно осмысленную и целенаправленную политику.

Ключ к выработке этой политики и подготовке к этому кризису – понимание того, что системный кризис не подарок, а страшное лекарство, применения которого можно и не пережить. Чем дальше он будет отодвигаться во времени, чем глубже будет разложение российского общества, тем выше вероятность того, что системный кризис будет напоминать не 1998-й, но 1991 год.

В издательстве "Вече" вышла в свет книга давнего автора журнала "Наш современник" В. Д. Попова "Россия: испытание Смутой".

Книгу можно приобрести в редакции.

Справки по тел.: 8 (495) 621-48-71.